

Русский класс и медресе в 1870–1917 гг.: история одного противостояния (на примере города Чистополя Казанской губернии)

Л.Р. Габдрафикова^{1, 2а}

¹Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

²Федеральный исследовательский Центр «Казанский Научный Центр РАН», г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>, e-mail: bahetem@mail.ru

Резюме: После принятия специальных правил «О мерах к образованию инородцев» в 1870 г. в Российской империи был намечен курс на интенсивную работу по интеграции татар в общеимперское социокультурное пространство. Один из пунктов Правил обязывал открывать при медресе русские классы. К 1875 г. в Казанской губернии функционировали 11 таких классов, большая часть которых работала в Казани. В Чистополе, несмотря на значительную татарскую общину и существование известного медресе под руководством Мухаметзакира Камалова, русский класс открылся только в 1881 г. В 1880–1890-е гг., из-за негативного отношения Мухаметзакир-ишана к нововведениям, в городе развернулась борьба между сторонниками религиозного служителя и представителями учебного контроля. Одним из участников конфликта был учитель русского класса Мирсайд Юнусов. В статье по архивным документам реконструируются события, связанные с его семейными и служебными обстоятельствами. Кроме того, в качестве аналогии привлечены воспоминания Каюма Насыри об опыте организации русского класса в Казани. Шакирдами Чистопольского медресе в конце 1880-х – начале 1890х гг. были будущие писатели Фатих Карими и Гаяз Исхаки, материалы об этих деятелях тоже легли в основу статьи. Автор приходит к выводу о том, что чистопольское противостояние было обусловлено главным образом проблемами возрастного и личностного характера.

Ключевые слова: Казанская губерния; Чистополь; татары; мусульмане; медресе; русский класс; русско-татарская школа

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Русский класс и медресе в 1870–1917 гг.: история одного противостояния (на примере города Чистополя Казанской губернии). *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(4):830–855. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Russian class and madrasah in 1870–1917: the history of confrontation (on the example of the city of Chistopol, Kazan province)

L.R. Gabdrāfikova^{1, 2a}

¹*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation*

²*Federal Research Center “Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences”, Kazan, the Russian Federation*

^a*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>, e-mail: bahetem@mail.ru*

Abstract: In 1870, special rules for organizing the system of education for non-Russian schoolchildren appeared in the Russian Empire. This was a sign of the beginning of intensive work aimed to integrate the Tatars into the general imperial social and cultural system. One of the articles of the law on March 26, 1870 called for the opening of Russian classes at the madrasah. In 1875, 11 Russian classes functioned at the different madrasahs in the Kazan province. But most of the Russian classes worked in Kazan. In the city of Chistopol, where a large Tatar community lived and the famous madrasah worked under the patronage of Muhammad-Zakir Kamalov, the Russian class was opened only in 1881. Kamalov perceived the new changes negatively, so in Chistopol, in the 1880–1890s, there was a conflict arose between the supporters of a religious figure and the officials of educational control. One of the participants in the conflict was Mir-Sa'id Yunusov, the teacher of the Russian class. In the article, we reconstructed his family and work cases on the basis of archival documents. Besides, we used Qayyum Nasiri's memories of the experience of organizing the Russian class in Kazan as an analogy. The writers Fatih Karimi and 'Ayadh Ishaqi also studied at the Chistopol Madrasah in the late 1880s and early 1890s, so we used materials related to their lives for our work. The author concludes that the Russian-class madrasah of Chistopol case was mainly caused by the arrow of age and personality problems.

Keywords: Kazan province; Chistopol; Tatars; Muslims; madrasah; Russian class; Russian-Tatar school

For citation: Gabdrāfikova L.R. Russian class and madrasah in 1870–1917: the history of confrontation (on the example of the city of Chistopol, Kazan province). *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(4):830–855. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-4-830-855

Введение

В 1870 г. в Российской империи с принятием правил «О мерах к образованию инородцев» был намечен курс на интенсивную работу по интеграции татар в русскую социокультурную среду. Русско-татарские школы рубежа XIX–XX вв. – логическое продолжение данных правил. На начальном этапе

реализации новых законодательных норм в некоторых населенных пунктах были организованы русские классы при медресе, т.к. в правилах о просвещении инородцев от 26 марта 1870 г. было указано: «... посещение особых классов, учрежденных при медресе, должно быть обязательно для всех учащихся до 16-летнего возраста...»¹. Но фактически русские классы действовали не везде, при этом они являлись автономными образовательными учреждениями, а иногда находились даже в конфронтации с медресе. В основе этих конфликтов – язык обучения, ментальные установки и мотивация участников образовательного процесса.

История функционирования русского класса в Чистополе является наиболее ярким примером противостояния руководителя местного медресе Мухаметзакира (Мухаммад-Закира) Камалова, его последователей и организаторов нового образовательного учреждения. Однако этот сюжет не получил должного освещения в исторической литературе. Хотя, безусловно, исследователи обращались и к истории мусульманских приходов г. Чистополя [1; 2], и к вопросу функционирования русско-татарских школ в Казанской губернии [3; 4]. В данной публикации впервые предпринимается попытка комплексного научного анализа вышеуказанной социокультурной проблемы с соблюдением принципов историзма и объективности.

Исследование базируется как на официальных архивных источниках (прошениях, отчетах, справках), связанных с функционированием государственных учреждений, так и на материалах частного характера. Если делопроизводственные документы инспекции народных училищ Казанского учебного округа показывают взгляд власти на проблему, то источники личного происхождения на татарском языке, связанные с шакирдами Чистопольского мужского медресе, раскрывают вопрос с иного угла зрения. Серьезным подспорьем в научной разработке этой проблемы стали опубликованные архивные материалы как делопроизводственного характера, так и частного [5; 6; 7; 8; 9].

К реализации Правил 1870 г. на местах приступили не сразу, например, лишь спустя два года были предприняты первые попытки по приведению в соответствие провозглашенных юридических норм и фактических дел в сфере мусульманского просвещения в Волго-Уральском регионе. Основным проводником этих норм в широкие массы стал Василий Радлов, ученый-тюрколог, назначенный в 1871 г. на должность инспектора татарских, башкирских

¹ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 26 об.

и киргизских школ Казанского учебного округа. По его словам, до этого времени муллы не имели никакой информации о новых мерах, о необходимости открыть русские классы при медресе им сообщили лишь 24 июля 1872 г. по инициативе все того же В.В. Радлова. В этом документе руководителям медресе предлагалось ввести при своих учебных заведениях преподавание русского языка и арифметики. Учителем мог быть мусульманин, «хорошо знающий русский язык», а при отсутствии такового его мог заменить русский учитель, хорошо знакомый с татарским языком. Этому правилу должны были следовать все новые медресе, открывшиеся после 1870 г. Согласно новым требованиям, учителя должна была содержать сама мусульманская община (махалля) [6, с. 36–37]. Реакция мулл оказалась неожиданной для самого инспектора: они лично не выразили на это предложение «никакого сопротивления по большей части», но сослались на отказ своих прихожан из-за их неудовлетворительного материального положения. Вместе с тем Радлов был убежден, что причина крылась в самих муллах, якобы именно под их влиянием жители махалли отказывались поддерживать новые образовательные меры [5, с. 322].

Кроме того, в этот период ученый-тюрколог ознакомился с предлагаемой программой обучения русскому языку и посчитал её крайне упрощенной и неудачной. По его мнению, учащиеся медресе (шакирды), особенно старшего возраста, достаточно интеллектуальны, при обучении вникают в детали арабского языка и религиозной философии, поэтому слишком простая программа изучения русского языка не соответствует их образовательному уровню. В своем представлении к попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову в 1872 г. В.В. Радлов отмечал: «... умственное развитие шакирдов довольно значительно, и, несмотря на всю односторонность их знаний, шакирды стоят умственно гораздо выше наших учителей приходских городских школ». Он считал, что нужна другая программа и более квалифицированные педагоги: «Учитель должен быть хорошо знаком с арабской грамматикой, т.к. ученики неизбежно станут делать с точки зрения этой грамматики возражения или просить изъяснения, – писал он в том же документе, – причем неосновательный ответ учителя показался бы в глазах шакирдов невежеством. Лучше всего было бы определить татарина, но таковых, если и есть, то очень мало» [6, с. 34–35]. В его словах было рациональное зерно. Достаточно сказать, что одним из первых учителей русского класса при медресе в Казани стал извест-

ный просветитель Каюм Насыри. А в 1880-е годы учителем русского языка в Тетюшах работал историк Гайнутдин Ахмаров.

Так и не добившись лояльности со стороны мулл и их прихожан, инспектор В.В. Радлов решает приступить к реализации образовательных мер с помощью местных органов власти. Именно земства и городские управы в дальнейшем финансировали и русские классы при медресе, и русско-татарские школы. Но и они не всегда оказывали содействие: по словам В.В. Радлова, где-то «успех достигался лишь при пособии и влиянии полиции». В первые годы действия Правил 1870 г. только русские классы при медресе контролировались Министерством народного просвещения (далее – МНП), медресе еще не подлежали государственному надзору, что вызывало определенные трудности. Не было прямого рычага влияния на мулл-мударрисов. Однако дело меняется уже с 1874 г., когда медресе (как народные школы) тоже были включены в орбиту влияния Министерства.

В итоге русские классы были «введены почти насильственными мерами» и к середине 1875 г. действовали при девяти медресе в Казани, при медресе в д. Кышкар и д. Сатышево Казанской губернии, т.е. речь идет об 11 учебных центрах [5, с. 323, 328]. Кстати, это сообщение инспектора Радлова опровергает обозначенную чуть ранее в исторической литературе информацию о наличии семи русских классов при медресе в Казанской губернии (4 – в Казани и 3 – в других местах) за весь «императорский период» [3, с. 195].

Организация русского класса при Чистопольском мужском медресе

К тому времени Чистопольское мужское медресе было известным учебным заведением края, которым с 1846 года руководил знаменитый ишан Мухаметзакир Камалов. По официальным сведениям, в 1875 г. в этом медресе обучалось 80 шакирдов [6, с. 43]. Как и в Казани, в Чистополе татарским учащимся было несложно организовать себе частные занятия по русскому языку. Вероятно, имея в виду такую практику, в том же году В.В. Радлов, перечисляя русские классы при разных медресе, подчеркивал, что в Чистополе тоже «шакирды легко могут найти случай учиться русскому языку, хотя отдельного класса там и не существует» [5, с. 328]. Но Чистопольское медресе обеспечивало муллами почти все Закамье, поэтому открытие русского класса в этом уездном городе было лишь делом времени. Тем более энергичным В.В. Радловым готовилась почва для введения другого законопроекта – об обязательной

сдаче будущими имамами экзамена по русскому языку (закон об образовательном цензе для мусульман, желающих занять духовную должность, был утвержден 16 июля 1888 г.).

Руководитель Чистопольского медресе Мухаметзакир Камалов, безусловно, был знаком с предложением 1872 г., однако не спешил открывать русский класс. В 1880 г. инспектор В.В. Радлов обратился в Чистопольское городское общество с ходатайством об открытии «татарской приходской школы». Он просил городскую управу помочь оплатить аренду помещения, отопление и прочие расходы. Уже имелось разрешение МНП на открытие школы «для обучения татарских детей, посещающих магометанское медресе, русскому языку и арифметике». По сути, это был русский класс при медресе, т.к. особо подчеркивалось, что необходимо разграничивать время обучения в медресе и в этой школе, чтобы они не совпадали². В 1881 г. в ответ на ходатайство В.В. Радлова из МНП было выделено единовременно 500 руб. для «русского класса при татарском медресе г. Чистополя», с 1882 г. это пособие должно было стать ежегодным³. Таким образом, русский класс в Чистополе открылся осенью 1881 г.

Но новое учебное заведение привлекло внимание очень немногих. Например, в 1882 г. русский класс посещали всего два ученика⁴. В 1886 г. учителем работал выпускник Уфимской татарской учительской школы Мухетдинов. Жалованье он получал из МНП, помещение для класса было выделено Чистопольской городской управой⁵. По словам представителя надзорного органа, инспектора народных училищ Чистопольского уезда Казанской губернии А.П. Карпова от 24 марта 1891 г., обучение лишь двух учеников, зафиксированное в 1882 г., никак не соответствовало расходуемым средствам на содержание русского класса. Учителю Мухетдинову было сделано замечание, и только после этого он начал активнее привлекать учеников в свое учебное заведение. К 1889 г. в русском классе при медресе обучалось 15 человек. Количество учеников значительно выросло после назначения в том же году учителем Мирсаида Юнусова. Например, в 1889–1891 гг. число обучающихся колебалось от 28 до 40 человек⁶.

² ГА РТ. Ф. 777. Оп. 11. Д. 21. Л. 1-1 об.

³ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16922. Л. 5 об.

⁶ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 26.

М. Юнусов занимал должность учителя русского класса при Чистопольском медресе около 15 лет. В 1904 г. вместе с семьей он уехал из Чистополя в Малмыж, где был назначен заведующим местной русско-татарской школой⁷. Учителство Мирсаида Юнусова в Чистополе было сопряжено с различными осложнениями, ему приходилось противостоять негативному отношению большинства местных мусульман.

Еще в 1884 г. оставил должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ и самый энергичный проводник языковых нововведений в Казанском учебном округе В.В. Радлов и уехал в Санкт-Петербург. Но дело, начатое им, продолжалось, хотя и с большими трудностями. В частности, русский класс при медресе в Чистополе в начале XX в. посещали уже почти 150 человек. При этом в самом медресе обучалось меньше шакирдов (по некоторым данным, не более 80 учеников) [2, с. 69–70]. Директор народных училищ Казанской губернии М.Н. Пинегин, докладывая о необходимости расширения русских классов, в 1910 г. сообщил попечителю Казанского учебного округа А.Н. Деревицкому следующие сведения: «В русском классе при 1-м Чистопольском медресе состоит 147 учеников, из них 79 крестьянских детей; причем около 60 крестьянским мальчикам было отказано осенью в приеме за недостатком места в помещении училища». Учебное заведение занимало небольшое здание. Учителей было два человека, хотя с учетом желающих поступить в русский класс в том же 1910 г. (207 чел.) их должно было быть как минимум четыре. Инспектор был уверен, что на следующий год число желающих учиться в русском классе только увеличится и нужно открыть второй русский класс [6, с. 143–144].

В 1911 г. в Чистополе действительно открылся второй «русский класс» уже при другом медресе. Открытие последнего было связано и с тем, что по Правилам 1870 г. при открытии новых медресе попечители были обязаны организовать при них обучение светским дисциплинам, прежде всего русскому языку, а во втором мусульманском приходе г. Чистополя имам Шигабутдин Шарафутдинов в этот период наладил работу школ для мальчиков и девочек. Кстати, именно из-за этих правил в татарском сообществе начала XX в. образовалась целая социально-профессиональная группа мугаллимов – татарских учителей светских предметов.

⁷ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9336. Л. 1–2.

По данным 1913 г., первый русский класс при мужском медресе «Камалия» 1-го мусульманского прихода размещался в доме Лукоянова на Петропавловской улице, в одном здании с женским мектебом и медресе. Конечно, в отличие от них «русский класс» содержался за счет средств МНП, земства и города. В программу преподавания были включены такие предметы, как русский язык, арифметика, география и история России на русском языке. Второй русский класс при медресе 2-го мусульманского прихода г. Чистополя работал в это же время в арендованном доме Маклакова на Садовой улице. В первом учебном заведении на тот момент было зафиксировано 110 учеников, во втором – 53⁸.

Таким образом, за несколько десятилетий – с конца XIX-го до начала XX в. – число желающих учиться в русском классе при медресе значительно выросло. За этими цифрами скрывается драматичная история перемен в мировоззрении местных татар-мусульман, произошедшая за несколько десятилетий рубежа XIX–XX столетий, сопровождаемая как сменой поколений, так и неизбежностью вступления представителей даже самых традиционных общин в эпоху модерна.

Потенциальные ученики русского класса при Чистопольском мужском медресе

В 1880-е годы, как было показано выше, очень немногие татарские семьи решались отправить своих сыновей в русский класс при медресе. Основная причина заключалась в общественном порицании, главным образом со стороны имамов – глав мусульманских общин. «Всякий сколько-нибудь умственно развитый татарин и даже учнейший из мулл понимает, что изучение русского языка для него необходимо, поэтому и не малое число их занимается изучением этого языка; но, опасаясь укоров со стороны фанатиков, никто не осмеливается высказать такое мнение публично в обществе, – отмечал в 1875 г. инспектор В.В. Радлов. – А т.к. учение в классе – дело открытое, то учащиеся беспрестанно подвергаются укорам и даже ругательствам фанатиков, которые публично объявляют, что учащиеся русскому языку – отступники от истинной веры» [5, с. 324].

Поэтому параллельно с работой русского класса при медресе в 1880–1890-е гг. в Чистополе в это время были и те, кто получал уроки русского

⁸ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1576. Л. 258–260.

языка частным образом. Среди таких учащихся встречались и шакирды Чистопольского медресе. Например, показателен случай, произошедший с будущим литератором и общественным деятелем Фатихом Карими (1870–1937). В конце 1880-х – начале 1890-х гг. он учился в Чистопольском медресе, там же в 1860–1867 гг. проходил обучение и его отец – Гильман-мулла из деревни Миннибаево Бугульминского уезда Самарской губернии. Руководитель медресе Мухаметзакир-ишан Камалов примерно в 1891 г. направил отцу своего шакирда Фатиха письмо о том, что сын-подросток «испортился» («бозылды» на тат. яз.) и нужно немедленно забрать его из медресе, иначе «испорченного» ученика просто выгонят на улицу. Расстроенный отец по прибытии в Чистополь выяснил, что ишана разозлило стремление шакирда выучить русский язык. Для этого Фатих начал брать частные уроки у русского почтового служащего, читал газету «Тарджеман» (выходила с 1883 г. в Бахчисарае на татарском и русском языках), а также местную русскую газету. По словам Мухаметзакир-ишана, Фатих отличился еще и тем, что читал эти газеты другим шакирдам. Оказалось, что из скудного месячного довольствия от родителей (одного рубля) любознательный ученик медресе 50 копеек тратил на частные уроки, еще на 20 копеек покупал газеты и лишь на оставшиеся копейки покупал себе еду [8, с. 76–77].

Это стремление шакирдов было не новым – еще в 1870-е гг. оно проявлялось даже в сельской местности. Очевидно, давала свои результаты работа по внедрению русских классов при медресе. Например, будущий кадий Оренбургского магометанского духовного собрания, ученый-просветитель Ризаэтдин Фахреддин в 1870-е – в начале 1880-х гг. учился в Нижне-Чершилинском медресе Бугульминского уезда Самарской губернии. По воспоминаниям его дочери, в старших классах медресе у него появилось желание изучить русский язык, но его стремление не одобрил наставник – руководитель медресе, уважаемый Габдулфаттах ибн Габдулкаюм ибн Гисматулла ибн Габдеррахим (1829–1891), аргументируя свой отказ тем, что никто из религиозных деятелей до этого не учил русский язык и ему не надо. Позднее Р.Фахреддин все же освоил русский язык, но всю жизнь жалел о том, что владеет им на уровне, недостаточном для чтения нужных ему книг [7, с. 44].

После отчисления из Чистопольского медресе Фатих Карими некоторое время учился в Уфе, а в 1892 г. отец направил его в Стамбул, в школу «Мулькие», где он, кстати, хорошо выучил не только турецкий, но и французский

язык. Остальные сыновья Гильмана Карими обучались в России и на рубеже XIX–XX в. поступили в русские учебные заведения (реальное училище, университет). Интересно, что в конце 1890-х гг. Гильман-ахун привез из Бугульмы в деревню Миннибаево выпускницу Самарской женской гимназии. Она учила младших детей муллы русскому языку, а сама брала уроки французского у Фатиха Карими [8, с. 144]. Конечно, такую заботу о развитии своих детей проявляли единицы.

В этот же период (конец 1880 – начало 1890-х гг.) учился в Чистопольском медресе будущий писатель Гаяз Исхаки (1878–1954), с 1893 г. он продолжил свое обучение в Казани: сначала в Апанаевском медресе, потом в Татарской учительской школе, где, кстати, готовили учителей для русских классов и русско-татарских школ. К слову, многие герои из произведений Гаяза Исхаки учили русский язык: это и шакирды, и мугаллимы, и купцы. По словам самого писателя, еще в период обучения в казанском медресе он недостаточно хорошо понимал по-русски, но учеба в учительской школе позволила ему со временем не только познакомиться с произведениями русской литературы, но и сделать их переводы на татарский язык (например, пьесу «Ревизор» Н. Гоголя) [9, с. 51–52].

Интересно, что 16 июля 1888 г. был принят закон об обязательном образовательном цензе для мусульман, желающих занять духовные должности. Это означало, что всем выпускникам медресе, кандидатам на должность имамов и мугаллимов необходимо сдать обязательный экзамен по русскому языку. Однако эта законодательная мера не имела никакой силы в Чистополе начала 1890-х гг., а шакирды Чистопольского медресе Фатих Карими и Гаяз Исхаки были лишены возможности изучать русский язык официально, посещая русский класс при медресе.

По замечанию инспектора народных училищ Чистопольского уезда А.П. Карпова в 1891 г., «потребность в более или менее удовлетворительно поставленном обучении грамотности чувствовалась и сознавалась местными мещанами, которые чаще всего тайно от муллы посылали своих детей в русский класс»⁹. Но на такой шаг решались немногие, особенно из религиозных семей: проверка 1893 г. выявила, что ни один шакирд Чистопольского медресе не посещал русский класс при нем же. Ученики ссылались либо на запрет строгих родителей, либо на собственное нежелание. Хотя и сами шакирды, и

⁹ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 26.

их родители, безусловно, ориентировались на мнение руководителя медресе Мухаметзакир-ишана Камалова, который оставался противником обучения русскому языку до конца своих дней¹⁰. И это был феноменальный случай противостояния имама государственным нововедениям.

Мухаметзакир Камалов и Мухаметназиб Амирханов в свете разбирательств учебной инспекции

Мухаметзакир Камалов приступил к своим религиозным обязанностям еще в дореформенное время, в 1846 г. он был избран имамом 1-й соборной мечети г. Чистополя. На тот момент уроженцу д. Верхняя Сосна Малмыжского уезда Вятской губернии едва исполнилось 30 лет. В итоге его духовное служение в уездном городе продолжалось почти полвека. Конечно, за этот период он завоевал доверие большинства мусульманской общины, стал очень авторитетной фигурой. Занятия предпринимательством (был чистопольским купцом 2-й гильдии) и высокие доходы, очевидно, позволили ему сохранить независимость воззрений, в данном случае – отстаивать консервативные убеждения.

В год открытия русского класса в Чистополе, в 1881 г., у Мухаметзакира Камалова умер старший сын Мухаметназиб. Ишан видел его своим преемником – он был указным имамом в приходе своего отца уже с 1872 г. Очевидно, при образовании второго мусульманского прихода Чистополя уважаемый мулла видел имамом там своего старшего сына, не случайно мечеть новой, второй махалли была выстроена на средства Мухаметзакира Камалова. Но Мухаметназиб-хазрат скоропостижно скончался во время хаджа [1, с. 252]. Вторая соборная мечеть г. Чистополя начала функционировать в 1882 г. Стоит отметить, что решение об образовании второго прихода и возведении мечети было принято еще в 1874 г., но на протяжении нескольких лет в этом вопросе возникали бюрократические сложности, в том числе в связи с нежеланием православного населения Чистополя видеть рядом со своими домами мусульманский храм. Безусловно, эти препоны, чинимые носителями не только православной культуры, но и русского языка, лишь усиливали традиционные убеждения М. Камалова и его единомышленников, в том числе и о «греховности» изучения русского языка.

¹⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19527. Л. 49–50 об.

В это время большинство шакирдов Чистопольского медресе относились к Мухаметзакир-ишану с благоговением и даже побаивались его. Например, Гаяз Исхаки в своих воспоминаниях отмечал, что они видели хазрата редко, но каждая встреча была для шакирдов большим событием, они тщательно готовились к его визитам, а взгляд ишана писатель сравнивал с электрическим зарядом («бөтен вөжүдемездән бер электрик тогы гәчийорды») [9, с. 44]. Конечно, при таких порядках в этом учебном заведении становится понятно, какой силы вызов был брошен шакирдом Фатихом Карими своему наставнику. Возможно, и отправление Гильманом Карими сына-подростка в Стамбул было связано с последствиями этого случая: шакирду, разгневавшему Мухаметзакир-ишана, вряд ли были рады в других медресе данного региона.

Тем не менее в Чистополе нашелся человек, который решился бросить вызов сложившимся порядкам в махалле. Это был учитель русского класса при медресе Мирсаид Юнусов, занимавший эту должность с 1889 г. Основной проблемой в его работе, как и у предыдущего учителя, являлось малое число учеников. Причину этого он связывал исключительно с фигурой Мухаметзакира Камалова, его негативным отношением к работе русского класса.

Например, в 1891 г. инспектор народных училищ Чистопольского уезда А.П. Карпов отмечал, что русский класс «не давал покоя крайнему фанатику-мулле». По его данным, в качестве противодействия Мухаметзакир Камалов собирался открыть медресе с новым методом преподавания («особый учитель, и будет введен новый способ обучения, заимствованный из Турции»). Инспектор опасался, что это может негативно отразиться на функционировании русского класса, т.к. уменьшится число учащихся, если они уйдут в новое медресе¹¹.

В 1892–1893 гг. была проведена проверка Чистопольского медресе в рамках следственного дела «о противодействиях указного муллы г. Чистополя Мухаммет-Закира Абдулвагапова обучению татарских мальчиков в русском классе при Чистопольском медресе», инициированная на основе доношений учителя Мирсаида Юнусова, который жаловался, что мулла Абдулвагапов препятствует посещению своими шакирдами русского класса. 13 января 1893 г. в учебном заведении побывал директор народных училищ Казанской губернии А.С. Никольский. 28 января того же года он докладывал о резуль-

¹¹ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 26.

татах осмотра медресе г. Чистополя попечителю Казанского учебного округа Н.Г. Потапову. Было зафиксировано 153 ученика от 7 до 29 лет. Их расспрашивали о том, ходят ли они в русский класс или почему не ходят, говорил ли о необходимости посещения русского класса мулла Абдулвагапов (Мухаметзакир Камалов). «На последние три вопроса все опрошенные ученики отвечали одинаково, с той лишь разницей, что малолетние объясняли нехождение в русский класс запрещением родителей, а взрослые – собственным нежеланием; относительно же муллы Абдулвагапова, что он ни приказаний посещать русский класс, ни запрещений учиться в нем никогда не выражал», – писал А.С. Никольский. Кроме того, он сообщал об аналогичном распросе 16-летнего сына ишана – Ибрагима Камалова. Он также не посещал русский класс и объяснял это исключительно собственным нежеланием. Проверка выяснила, что в числе учеников русского класса, открытого при медресе г. Чистополя, на самом деле не было ни одного шакирда из того самого медресе.

Сам Мухаметзакир Камалов общался с проверяющими через двух переводчиков. Он ответил, что о существовании русского класса, конечно, знает, а вот когда именно открыт – не помнит. Свое равнодушие к работе нового учебного заведения ишан объяснял тем, что не получал никаких официальных распоряжений об обязательности посещения шакирдами русского класса, поэтому и «не решался» проводить агитационную работу среди учащихся и их родителей. Более того, даже при предъявлении таковых требований он не мог ручаться за шакирдов, т.к. «они в полном подчинении у своих родителей». Ревизор вынес следующий вердикт: мулла «не принимал никаких мер к расположению своих учеников посещать русский класс», поэтому считал необходимым «обязать муллу Абдулвагапова подпискою обучать учеников медресе и мектебе в русском классе с предупреждением о закрытии его школ в случае неисполнения этого обязательства»¹².

Несмотря на проверку и угрозу закрытия медресе, мулла Мухаметзакир Камалов остался верен своим традиционным убеждениям. Об этом свидетельствует его духовное завещание, составленное в 1893 г., согласно которому Мухаметзакир-ишан не связывал перспективы развития Чистопольского мужского медресе с русским языком, в частности, в документе отдельно подчеркивалось, какие языки могут изучаться в медресе: «...кроме татарских, арабских и персидских языков и религиозных наук, других предметов не

¹² ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19527. Л. 49–50 об.

должно преподаваться, обучать исключительно одним религиозным наукам, как преподавалось при жизни моей» [6, с. 43]. В том же 1893 году он умер.

После смерти Мухаметзакира Камалова Чистопольское медресе возглавил его зять Мухаметназиб Амирханов (1859–1921). Он был вторым сыном казанского имама Хусаина ибн Амирхана (как и М. Камалов, умер в 1893 г.), родной брат Мухаметназиб-хазрата Мухаметзариф продолжал духовное служение в приходе их отца, при 9-й соборной мечети г. Казани (Иске-Таш в Ново-Татарской слободе). В начале XX в. Мухаметназиб Амирханов ввел в Чистопольском медресе новометодное преподавание, под его началом открылась даже женская школа. А его родной племянник Фатих Амирхан стал известным татарским писателем и ярким сторонником модернизма в татарском обществе [1, с. 254]. Однако в 1890-х гг. Мухаметназиб Амирханов еще продолжал следовать принципам, установленным покойным Мухаметзакиришаном Камаловым.

Сетую на малочисленность учеников в русском классе (в 1893 г. его посещали 15 учеников) и отсутствие в нем шакирдов из Чистопольского медресе, директор народных училищ Казанской губернии А.С. Никольский отмечал «озлобленное отношение к нему сторонников умершего муллы Абдулвагапова»¹³. В последующие несколько лет наследники Камалова действительно придерживались прежней линии. Хотя на следующий год после смерти знаменитого ишана, в 1894/95 учебном году, русский класс посещали 10 шакирдов из Чистопольского мужского медресе. Всего в русском классе в это время обучалось 30 человек [6, с. 71–72]. Но уже в 1895/96 учебном году шакирды медресе вновь перестали посещать русский класс, возглавляемый М. Юнусовым. Объясняя резкое падение интереса к русскому классу со стороны своих учеников, руководитель медресе мулла Хусаинов (Мухаметназиб Амирханов) все так же ссылался на свободу их выбора, на волю родителей и полностью отрицал свою причастность к этому факту. Кстати, как и покойный тесть Мухаметзакир Камалов, с проверяющими он общался через переводчика («говорить по-русски отказался за незнанием, как он объяснил, русского языка») [6, с. 76–77].

В 1896 г. в эту ситуацию вмешалось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). К тому времени русский класс при нем посещали 13 шакирдов из Чистопольского мужского медресе. Администрация Казанского учебного округа, конечно, была недовольна неэффективностью работы

¹³ Там же. Л. 1-1 об.

русского класса в уездном городе. Результатом переписки между Министерствами народного просвещения и внутренних дел стал вызов муллы Мухаметназиба Амирханова в Уфу для беседы с муфтием ОМДС, где ему было сделано «должное внушение» [4, с. 99]. Но чистопольский мулла на деле продолжал прежнюю линию.

Вместе с тем, в отличие от Мухаметзакира Камалова, он пошел на небольшие уступки. Компромиссом стало посещение несколькими шакирдами из его медресе русского класса и некоторое сотрудничество с контролирующими органами. Правда, Мухаметназиб Амирханов старался скрыть от местных мусульман этот факт. Например, инспектор народных училищ Чистопольского уезда В.М. Гаиев никак не мог вручить ему лично официальное предписание о необходимых мерах для исправления сложившейся ситуации между медресе и русским классом. Муллы либо не было дома, либо он ссылаясь на занятость и отказывался принимать посыльного от чиновника. Согласно предписанию, имам Амирханов должен был предоставлять списки учеников своего медресе, в том числе информацию о шакирдах, посещавших русский класс. После вручения документа он начал выполнять это требование, однако шакирд-посыльный приносил списки поздно вечером. Очевидно, это было связано с желанием имама скрыть данный факт от большинства жителей махалли. «Поведение муллы Амирханова представляется мне двусмысленным: он соглашается посылать шакирдов в русский класс и в то же время как будто боится изменить к лучшему те ненормальные отношения, которые установились между медресе и русским классом», – размышлял весной 1897 г. инспектор В.М. Гаиев [6, с. 81].

К осени 1897 г. число шакирдов-учеников русского класса увеличилось с 13 до 21 человека [6, с. 83]. Весной 1901 г. общее количество учащихся русского класса при Чистопольском мужском медресе достигло 40 человек, судя по всему, были среди них и шакирды самого медресе. Тем не менее о каких-то успехах по изучению русского языка в г. Чистополе говорить было рано: во-первых, из-за скромного числа обучающихся, во-вторых, поступившие в русский класс проходили не весь курс обучения. К 1904 г. не было еще ни одного выпускника [6, с. 115].

Если при поступлении в русский класс при медресе ученики и их семьи должны были преодолеть определенное общественное осуждение и пойти против воли большинства членов махалли во главе с имамами, то в дальней-

шем успешное завершение курса было связано главным образом с личностью преподавателя русского класса.

Мирсаид Юнусов и другие учителя русских классов

В 1910-е годы в каждом русском классе при мужском медресе в Чистополе преподавали по два-три учителя. Таким образом, в уездном в городе в этот период проживало как минимум пять учителей-мугаллимов. Но даже после первой русской революции 1905–1907 гг. в разных уголках России, не только в Чистополе, еще не утихали конфликты между муллами и мугаллимами. При этом последние работали не только в русских классах при медресе или русско-татарских школах, но и в самих мектебе и медресе новометодного типа [10].

Пионеры светского образования испытывали давление и со стороны учебного контроля, и со стороны мусульманской общины. Многим из них была уготована роль изгоя среди единоверцев, наиболее яркий пример тому – просветитель Каюм Насыри, переживший в 1870–1880-е общественное осуждение и отчуждение. Итогом этого сложного этапа жизни стала концентрация его внимания на научно-издательской деятельности. Впрочем, труды К. Насыри нашли живой отклик среди подрастающего поколения начала XX в., тех самых потенциальных учеников русских классов.

Вспоминая о своем опыте по внедрению изучения русского языка в татарскую среду Казани начала 1870-х гг., он отмечал, что невозможно было снять помещение в аренду: как только арендодатель-татарин узнавал о назначении квартиры, тут же отказывал в сдаче или сильно повышал стоимость съема. В итоге для первого русского класса при медресе К. Насыри снял помещение в самом непривлекательном и сомнительном месте, с точки зрения благопристойного мусульманина, – на втором этаже трактира на Мокрой улице. Прямо во дворе работал пивной завод. Кроме того, на этой же улице, как известно, находились и дома терпимости. Через несколько месяцев учитель переехал на Захарьевскую улицу. Каждый раз, когда он вывешивал табличку о русском классе, местные мусульмане жаловались полиции, ссылаясь то на «незаконную» деятельность учителя, то на «церковную вывеску». Конечно, полицейские проверки ничего не давали жалобщикам, однако и не добавляли популярности и доверия русским классам. Что касается первых учеников, по словам самого К. Насыри, там не было случайных, «чужих» детей. Сначала

это были всего пять-шесть учеников и все – дети его родственников, знакомых. Дошло до того, что некоторым из них учитель помогал материально, лишь бы ученики посещали русский класс: покупал обувь, платил небольшие деньги – замену потенциального заработка малолетних работников. «Добрыми словами и ласковым обращением мне удалось привлечь около 30 учеников, – вспоминал К. Насыри. – Но однажды пришел инспектор, начал громко, брызжа слюной, на русском языке проверять учеников: “Что что? Это что?” и распугал некоторых самых маленьких детей, которые только начали знакомиться с “Азбукой” и еще не слышали ни русских слов, ни русской речи». Учащихся могли напугать самые безобидные вещи: например, когда инспектор записывал сословный состав обучавшихся в русском классе, услышанный ими «крестьянин» воспринимался как «христианин», и уже появлялись подозрения о готовящейся христианизации, ведь русскую речь инспектора они еще понимали не до конца [11, с. 328–330]. В таких условиях учитель русского класса должен был убедить учеников в безопасности процесса обучения, в отсутствии у властей каких-либо планов по смене их веры. По мнению В.В. Радлова, именно поэтому нужны были учителя-татары, единоверцы самих учеников, знающие их привычки и страхи, а также отлично разбиравшиеся в учебной программе как медресе, так и самого русского класса.

Как уже было отмечено выше, первым учителем русского класса при медресе в Чистополе был выпускник Уфимской татарской учительской школы – Мухетдинов¹⁴. Он проработал с 1881-го по 1889 г., но особых успехов в деле обучения не добился. Очевидно, ситуация была схожа с первыми шагами учителя русского класса Каюма Насыри в Казани.

С 1889-го по 1904 г. учителем русского класса при Чистопольском мужском медресе работал Мирсаид Хаджихметович Юнусов. В начале педагогической карьеры ему было около 27 лет. За время работы в Чистополе он обзавелся большой семьей (у него было пятеро детей), однако так и не сумел наладить добрые отношения с местными мусульманами. Несмотря на то, что количество учеников в русском классе с каждым годом росло, в большей мере это было отражением скорее внешних изменений, связанных с нормативно-правовыми переменами, уменьшением влияния Мухаметзакир-ишана и его последователей, а также сменой поколений. Например, в 1893 г. директор народных училищ Казанской губернии А.С. Никольский отмечал: «...русский

¹⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 16922. Л. 5 об.

класс при Чистопольском медресе в настоящее время при всех тяжелых для него условиях существования (разумею) приносит несомненную пользу расширением начального образования в невежественной мусульманской среде...»¹⁵. Спустя почти двадцать лет службы в Чистополе Мирсайд Юнусов уехал в другой уездный город – Малмыж Вятской губернии, где занял должность заведующего русско-татарским училищем. Однако, прожив в Малмыже пять лет, он вновь сменил место работы, перебравшись в село Бураево Бирского уезда Уфимской губернии и начав преподавание в местной русско-татарской школе.

Перемещения Мирсаида Юнусова указывают не только на служебные или семейные обстоятельства, но и на сложный характер учителя и его конфликтность. В этой связи в неуступчивости Мухаметзакира Камалова и в его многолетнем противлении работе русского класса можно увидеть, наряду с консерватизмом мышления, и другие мотивы. Итак, какой портрет М.Х. Юнусова можно составить по имеющимся у нас архивным данным?

Во-первых, несмотря на службу в системе Министерства народного просвещения, он не сумел получить достойную пенсию. Учитель Юнусов 20 лет исправно вносил взносы в пенсионную кассу и надеялся получить заслуженное вознаграждение. Однако из-за того, что он не дослужил пяти лет, все двадцать лет его службы пропали и никак не засчитывались на новом месте службы. Чиновники ему объяснили, что русские классы при медресе и русско-татарские школы – это разные структуры и по каждому из них надо набирать отдельный стаж. «Через 20 лет службы я не в состоянии дослужить новой пенсионной выслуги. Мне в настоящее время 46 лет, я имею пятерых малых детей, которые учатся в разных учебных заведениях, – писал учитель в 1908 г. очередное ходатайство. – В случае лишения способности к труду или смерти, я сам лично и дети мои должны остаться на улице без куска хлеба и приюта. И то время не далеко, если принять в соображение число лет службы и мой возраст»¹⁶.

В одном из ответов ему написали, что он может рассчитывать на единовременное пособие, но за десять лет службы. Воодушевленный этим, Юнусов просит Министерство выдать ему данную материальную помощь в двойном размере, ведь он отдавал деньги в кассу в течение двадцати лет. Однако

¹⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19527. Л. 1-1 об.

¹⁶ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9336. Л. 1-2.

ему ответили, что на это пособие может рассчитывать после его смерти только жена учителя и лишь за десять лет службы. При этом у него продолжали удерживать деньги: из 35 руб. жалованья вычитали 5 руб. на пенсионную кассу. Это особенно его беспокоило. М. Юнусов безуспешно писал в разные инстанции о своем «стесненном материальном положении», о необходимости содержать пятерых детей-подростков и о «дороговизне съестных продуктов в последние годы», о том, что при таких условиях невозможно существовать на 30 руб.¹⁷ В конце концов он серьезно испортил отношения с начальством, директором начальных училищ Вятской губернии. Из-за этого в 1909 г. учитель уехал в соседнюю Уфимскую губернию¹⁸.

Во-вторых, Мирсайд Хаджихметович Юнусов привлекался к работе жандармерии Вятской губернии. Начальник губернского жандармского управления (ГЖУ) А.И. Будаговский в секретной записке уфимскому губернатору П.П. Башилову от 6 июля 1911 г. сообщал о том, что «учитель Мирсайд Юнусов состоит переводчиком при вверенной мне канцелярии и оказал мне большие услуги в деле разоблачения панисламистов, чем сильно вооружил против себя названных мусульман, кои даже открыто грозили его убить». ГЖУ выдало учителю даже для самообороны специальный револьвер¹⁹. М.Х. Юнусов содействовал разработке агентурных сведений по делу медресе села Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии. Кроме того, А.И. Будаговский характеризовал его как знатока турецкого и арабского языков²⁰.

Иж-Бобьинское медресе в начале XX в. было известно своим новым подходом, насыщенной учебной программой, включавшей и светские дисциплины. Казалось бы, учитель М. Юнусов должен был поддерживать такого рода начинания – отказ от косности мышления и распространение светских наук среди татар, но для него новометодные медресе представлялись угрозой существованию русских классов, русско-татарских школ. Например, в одной из своих жалоб на Мухаметзакира Камалова, еще в 1891 г., он сообщил о планах ишана по введению нового способа обучения и связал это с возможным оттоком учеников русского класса в обновленное Чистопольское медресе²¹.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф.И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 76, 385.

¹⁹ ГАСО. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 76.

²⁰ Там же. Л. 385.

²¹ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 669. Л. 26.

Что касается Иж-Бобьинского медресе, то оно было закрыто в 1911 г., а его руководители – братья Буби – обвинены в распространении панисламизма.

В Государственном архиве РТ, в личном фонде Фатиха Карими, сохранилось любопытное письмо. 12 марта 1911 г. к нему обратился мулла из д. Чишма Осинского уезда Пермской губернии Шаихрази Ахмадуллин. Оказалось, он состоял в приятельских отношениях с полковником Антоном Ивановичем, тем самым жандармом Будаговским. Автор письма объяснил свое общение с чиновником общей любовью к охоте. В марте того же года между ними возникла ссора из-за разночтения в переводах конфискованных татарских книг из медресе села Иж-Бобья. В беглом переводе Шаихрази Ахмадуллина не было никаких крамольных мыслей, тогда как переводчик жандарма, учитель из села Бураево Бирского уезда, нашел в этих текстах совершенно другие смыслы. Ахмадуллин охарактеризовал жандармского переводчика как человека, у которого голова занята конфликтами вокруг новометодного обучения («ысул жәдит низагысы илә башын авырттыручы иде») [6, с. 157–158].

Уроженец Иж-Бобьи, проживавший в Бирском уезде, торговец Бадретдин Залялетдинов тоже дал Мирсаиду Юнусову не самую лицеприятную характеристику, невзирая на то, что знал учителя очень мало. 17 мая 1911 г. он сообщал: «от жителей деревни Бураево мне известно, что он пользуется очень плохой репутацией, как пьяница и дебошир. Например, на днях он в деревне Чураево произвел выстрел в какого-то черемисина. По этому поводу вследствие жалобы черемисина, бураевский становой произвел у него обыск, во время которого были найдены револьвер, сабля и кинжал, и кроме того, безнравственные картинки...»²². А.И. Будаговский, напротив, считал этот случай провокацией, обусловленной негативным отношением местных жителей к учителю, а также желанием самого осведомленного, бураевского пристава поиздеваться «над секретной службой» Юнусова²³.

В итоге складывается противоречивый образ учителя Мирсаида Юнусова. Это материально неустроенный человек, вынужденный вместе с семейством скитаться по разным населенным пунктам в уже зрелом возрасте. Его основной вид деятельности, несмотря на преданность учителя своему делу и очевидный профессионализм, не приносит ни высокий доход, ни общественное признание в среде единоверцев. Опасение за свое дело и боязнь конку-

²² ГА РТ. Ф. 41. Оп. 11. Д. 3. Л. 126 об.

²³ ГАСО. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 412. Л. 76 об.

ренции вынуждают искать покровительства в инстанциях, контролирующих народное образование. Привлечение к работе тайной полиции, по-видимому, продолжение данной практики, подкрепленной к тому же многолетним противостоянием с большинством мусульманской общины и материальными трудностями. При таких обстоятельствах учитель русских классов уже не мог служить посредником между имперской образовательной моделью и мусульманским сообществом, он исчерпал весь кредит доверия. Если тот же Каюм Насыри после полосы социальной изоляции конца XIX в. все же восстановил свою репутацию как пионер новометодного образования среди молодого поколения татар в начале XX в., то личная история Мирсаида Юнусова сложилась совсем иначе.

В 1910-е годы учителями двух русских классов при Чистопольских медресе работали выпускники Казанской татарской учительской школы (КТУШ) и Казанской русско-татарской мужской школы. Интересно, что более квалифицированными были учителя 1-го русского класса при медресе 1-го мусульманского прихода: Зариф Садыкович Рахметуллин (по происхождению сельский обыватель Воткинского завода, окончил КТУШ в 1891 г.), Хусаин Сабинович Кабиров (крестьянин д. Шахмайкино Чистопольского уезда, свидетельство от 1903 г.), Гариф Юсупович Абдуллин (крестьянин д. Татарские Сарсазы, 1910 г.). Во 2-м русском классе работали два учителя: Риззетдин Зайтов (крестьянин д. Кугарчино Лаишевского уезда, окончил русско-татарскую школу в г. Казани в 1885 г.) и Мухарлям Губайдуллович Мурадымов, получивший аналогичное свидетельство в 1904 г. Супруга последнего – Марьям Садыковна Мурадымова – была учительницей Чистопольской русско-татарской женской школы.

После революции 1905–1907 гг. за всеми учителями велся негласный надзор полиции. Наиболее подозрительным и неблагонадежным, с точки зрения властей, считался уроженец Воткинского завода – учитель Зариф Рахметуллин. До переезда в Чистополь в 1910 г. он преподавал в Малмыжской русско-татарской школе. Вместе со своим коллегой Мансуровым интересовался идеями левых партий и, по словам чиновников, знакомил с ними учеников и родителей. После ареста коллеги Рахметуллин перебрался в другой город. В Чистополе за учителем продолжали следить представители местной полиции. Интересно, что, по сообщению чистопольского исправника Илевского от 4 декабря 1913 г., учитель русских классов З. Рахметуллин тесно общался с

«известным своей политической неблагонадежностью» указным муллой Мухаметназипом (Мухаммад-Наджибом) Амирхановым²⁴. Пожалуй, данное замечание наиболее ярко иллюстрирует трансформацию взглядов наследников и приближенных Мухаметзакир-ишана Камалова: в начале XX в. изучение русского языка рассматривалось ими уже как освоение само собой разумеющегося навыка, необходимого как для отдельной личности в России, так и для прогресса татарской нации в целом. В этой связи приветствовалось, наряду с восточными, и изучение других западных языков.

Заключение

История организации и функционирования русских классов при медресе в Чистополе имеет как характерные для всего татарско-мусульманского сообщества того времени черты (подозрительное отношение населения к различным новшествам, особенно связанным с деятельностью чиновничества и касающимся духовных дел), так и свои особенности.

Реализация правил 1870 г. «О мерах к образованию инородцев» в данном уездном городе на начальном этапе была связана с такими личностями, как руководитель местного медресе, ишан Мухаметзакир Камалов, его преемник – мулла Мухаметназиб Амирханов, а также учитель русского класса Мирсаид Юнусов. Несмотря на все усилия властей, первый русский класс в Чистополе сначала практически пустовал, до 1889 г. его посещали не более 15 человек. Но даже при дальнейшем росте количества учащихся до конца 1890-х гг. среди них не было ни одного шакирда из Чистопольского медресе. Таким образом, обозначение «русский класс при медресе» оставалось условным. Русский класс, задуманный как дополнение к конфессиональной школе, существовал отдельно от медресе и даже конкурировал с ним. Впрочем, такой же политики придерживался руководитель Чистопольского медресе – Мухаметзакир Камалов, очень резко реагировавший на любые попытки своих шакирдов изучать русский язык. Яркий пример – история шакирда этого медресе Фатиха Карими, которого за это стремление в 1892 г. выгнали из учебного заведения.

Вместе с тем русские классы при медресе усилили внутренние процессы в мусульманском сообществе по реформированию мектебов и медресе (применение нового метода обучения, увеличение светских дисциплин и т.д.), спо-

²⁴ ГА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1576. Л. 258–260.

способствовали введению нового порядка в организации школьного дела (учёт учеников, составление их списков и т.д.). Изменения коснулись и Чистопольского мужского медресе. Интеграция частных школ в общегосударственную образовательную систему была неизбежной, поэтому противостояние Мухаметзакир-ишана Камалова изучению русского языка оставалось лишь временным явлением.

Поддержка позиции уважаемого муллы большинством членов махалли в 1880–1890-е гг. была во многом обусловлена личностью самого религиозного деятеля, а также неоднозначной репутацией учителя Мирсаида Юнусова. Последний, не снискав особого доверия единоверцев в Чистополе, переехал в Малмыж (проживая в этом городе, он способствовал закрытию медресе в с. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии), а потом – в Бураево. Во всех населенных пунктах учитель запомнился своей склонностью к конфликтам.

Рост урбанизации, социальной мобильности и промышленное развитие страны, а также нормативно-правовые акты в начале XX в. особенно актуализировали вопрос о русском языке как эффективном инструменте для социализации талантливой татарской молодежи вне мусульманских общин. Показательно, что в начале XX в. дети покойного чистопольского ишана М. Камалова демонстрировали совершенно противоположный подход и полную лояльность к русскому образованию. Конечно, такой трансформации предшествовал целый ряд событий, связанный как с ситуацией в стране и в татарском сообществе, так и с семьями Камаловых²⁵ и Амирхановых²⁶. События первой русской революции 1905–1907 гг., сопровождаемые невероятным бунтом молодого поколения (в том числе в шакирдской среде), заставили широкие слои населения переосмыслить традиционные установки. В этих условиях изучение русского языка не воспринималось уже как угроза для мусульманской идентичности.

²⁵ Ибрагим Камалов прошел курс обучения в каирском медресе-университете «Аль-Азхар», вернулся в Чистополь в 1903 г. После возвращения он взялся за домашнее обучение своих младших сестер. Кроме того, он пригласил для них домашнюю учительницу по русскому языку. В итоге в 1910-х гг. дочери Мухамедзакира Камалова – Гульсум и Хатима – сдали гимназический курс и учились на высших женских курсах в Санкт-Петербурге и Москве.

²⁶ Племянник Мухаметназиба Амирханова – Фатих Амирхан (1886–1926), сын казанского муллы Мухаметзарифа Амирханова, оставил учебу в медресе «Мухаммадия», уехал из дома и стал брать частные уроки по гимназическому курсу. Конечно, в этой программе обучения был и русский язык. Через несколько лет в семье приняли новые устремления молодого человека, получившего из-за нервного перенапряжения тех лет инвалидность (были парализованы ноги).

Литература

1. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. *Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков)*. Казань: Фест; 1995. 280 с.
2. *Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего*. Казань: Изд-во «По городам и весям»; 2004. 463 с.
3. Джераси Р. *Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России*. М.: Новое литературное обозрение; 2013. 548 с.
4. Саматова Ч.Х. *Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа)*. Казань: Татарское книжное издательство; 2013. 239 с.
5. *Аграрный вопрос и крестьянское движение 50-70-х годов XIX в.* Волгин В.П. (ред.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР; 1936. 512 с.
6. *Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов*. Ибрагимов Д.И. (ред.). Казань: Главное архивное управление при КМ РТ; 2012. 288 с.
7. *Ризаэтдин Фахретдин: Фәнни-биографик җыентык*. Марданов Р., Миңнуллин Р., Рәхимов С. (төз.). Казан: Рухият; 1999. 224 б.
8. *Фатыйх Кәрими: Фәнни-биографик җыентык*. Марданов Р., Миңнуллин Р., Рәхимов С. (төз.). Казан: Рухият; 2000. 320 б.
9. *Гаяз Исхакий: тарихи-документаль җыентык*. Рәхимов С., Мөхәммәтшин З., Заһидуллин. А. (төз.). Казан: Жыен; 2011. 964 б.
10. Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» в татарском обществе начала XX века: социально-экономическое положение учителей. *Образование и саморазвитие*. 2012;6:210–215.
11. Насыри К. *Сайланма әсәрләр*. 4 томда. Т. 3. Казан: Татарстан китап нәшрияты; 2005. 384 б.

References

1. Salikhov R.R., Khairutdinov R.R. *Respublika Tatarstan: pamyatniki istorii i kul'tury tatarskogo naroda (konets XVIII – nachalo XX vekov)* [Republic of Tatarstan: monuments of history and culture of the Tatar people (late 18th - early 20th centuries)]. Kazan: Fest Press; 1995. 280 p. (In Russian)

2. *Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego* [Chistopol and Chistopol residents. From the past and present]. Kazan, 2004. 464 p. (In Russian)
3. Geraci Robert P. *Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window facing the East: national and imperial identities in late Tsarist Russia]. Moscow: New Literary Review Press; 2013. 548 p. (In Russian)
4. Samatova Ch.H. *Imperskaya vlast' i tatarskaya shkola vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Kazanskogo uchebnogo okruga)* [Imperial authority and the Tatar school in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Kazan educational district)]. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2013. 239 p. (In Russian)
5. *Agrarnyy vopros i krest'yanskoe dvizhenie 50-70-kh godov XIX v.* [The agrarian question and the peasant movement in the 50-70s of the 19th century]. Volgin V.P. (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Press; 1936. 512 p. (In Russian)
6. *Medrese Kazanskoy gubernii vtoroy treti XIX – nachala XX v.: sbornik dokumentov i materialov* [Madrasah of Kazan province of the second third of the 19th – early 20th centuries: collection of documents and materials]. Ibragimov D.I. (ed.). Kazan: Main Archive Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan; 2012. 288 p. (In Russian, Tatar)
7. *Rizaetdin Fakhretdin: Fanni-biografik dzyentyk* [Ridha' al-Din Fakhr al-Din: scientific and biographical collection]. Mardanov R., Minnullin R., Rakhimov S. (comp.). Kazan: Rukhiyat Press; 1999. 224 p. (In Russian, Tatar)
8. *Fatykh Karimi: Fanni-biografik dzyentyk* [Fatih Karimi: scientific and biographical collection]. Mardanov R., Minnullin R., Rakhimov S. (comp.). Kazan: Rukhiyat Press; 2000. 320 p. (In Russian, Tatar)
9. *Gayaz Iskhakyy: tarikhi-dokumental' dzyentyk* ['Ayadh Ishaqi: historical documentary collection]. Rahimov S., Mohammatshin Z., Zahidullin A. (comp.). Kazan: Dzyen Press; 2011. 964 p. (In Tatar)
10. Gabdrāfikova L.R. "Novye lyudi" v tatarskom obshchestve nachala XX veka: sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie uchiteley [The 'new men' of Tatar society in the beginning of 20th century: the socioeconomic status of school teachers]. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and Self-Development]. 2012;6:210–215. (In Russian)
11. Nasyryi K. *Saylanma asarlar* [Selected works]. Vol. 3. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005. 384 p. (In Tatar)

Информация об авторе

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского Центра «Казанский Научный Центр РАН», г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Liliya R. Gabdrāfikova, Dr. Sci. (History), a Senior Researcher of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Leading Research Fellow at the Federal Research Center “Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences”, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 августа 2022
Одобрена рецензентами: 17 сентября 2022
Принята к публикации: 16 октября 2022

Article info

Received: August 16, 2022
Reviewed: September 17, 2022
Accepted: October 16, 2022